

Н. Я. ГАБАРАЕВ

**ФРИДРИК ТОРДАРСОН – ОСЕТИНОВЕД**  
*(Герундий в осетинском)*

Фридрик Тордарсон занимался исследованием всех основных разделов осетинского языка. Наиболее значительными из них как по объему, так и по значимости являются «Краткие заметки по языку анатолийских осетин» и «Ossetica». Кроме этих двух фундаментальных трудов, он написал большое количество работ по частным вопросам осетиноведения. Одна из них – The Ossetic Gerund «Герундий в осетинском»<sup>1</sup>. Это первый случай, как мне известно, когда применительно к осетинской грамматике герундий служит предметом исследования.

В справочниках герундий определяется как особый вид отглагольного существительного в латинском и английском языках<sup>2</sup>. Из этого определения можно сделать заключение, будто в других исследованных языках (т.е. кроме латинского и английского) нет герундия<sup>3</sup>. Однако термин герундий Ф. Тордарсоном используется по отношению и к фактам некоторых других языков, главным образом в тюркских языках.

В латинском герундий и инфинитив взаимно дополняют друг друга: герундий употребляется только в косвенных падежах единственного числа. В функции именительного падежа и беспредложного винительного употребляется инфинитив. Показателем герундия служат суффиксы -nd-, -end- (общие с gerundivum): laudare «восхвалять» – laudandi «восхваления»<sup>4</sup>.

В английском герундий является неличной формой глагола, образуемой от основы настоящего времени при помощи суффикса -ing и близкой по значению к отглагольному имени существительному: to read «читать» и reading «чтение»<sup>5</sup>.

Ф. Тордарсон, имея в виду осетинскую деепричастную форму на -гæ, (-гæ-йæ), пишет: «Gerund есть глагольное наречие, обозначающее

действие, сопровождающее выраженное личным глаголом действие»<sup>6</sup>. Здесь на первое место выступает отглагольное наречие, в отличие от английского герундия, где он – отглагольное существительное. Интересно отметить, что из многочисленных деепричастных слов с суффиксом *-гæ* существительными стали лишь единицы типа *дымгæ* «ветер» от *дымын* «дуть», *цымгæ* «похлебка» от *цымын* «хлебать». Такой прямой переход деепричастий в другой лексико-грамматический класс в осетинском не стал живым словообразовательным способом в отличие, например, от русского или английского языков, где образования типа *ходждене* от *ходить*, *reading* от *to read* «чтение» – «читать» представляют собой массовое явление.

Как известно, английские слова типа *reading* выступают в двух разных значениях: как Present Continious (*When I came to him he was reading a book*) и как герундий (*He likes reading*). Это – два омонима. Первый из них переводится (например, на русский язык) личными формами глагола любого из трех времен. Второй переводится преимущественно инфинитивом, но и соответствующим существительным (*Он любит читать* и *Он любит чтение*).

Ф. Тордарсон все слова на *-гæ* в осетинских иллюстрациях переводит на английский язык т.н. «ингвой» формой:

*Лæпту кæугæ баӡыд йæ хæдзармæ.*  
*The boy entered his house crying.*

В русском языке ей (этой форме) прямо соответствует деепричастие:

*Мальчик пришел в свой дом плача*

Это осетино-русское соответствие настолько последовательно, что трудно столкнуться с примерами его нарушения: *кафгæ фæңæуы* – «танцует уходит»; *худгæ мын дзуры* – «смеясь говорит мне».

В труде Тордарсона обе деепричастные формы (*-гæ*, *-гæ-йæ*) рассматриваются параллельно. Но автор справедливо считает, что форма на *-гæ* более существенна, более употребительна. Она служит мотивирующим компонентом большого количества разнообразных производных единиц. Форма же на *-гæ-йæ* представляет чаще всего конечный результат деривационного процесса. Она к наречию стоит ближе, чем форма на *-гæ*: *бадгæйæ дзуры* – «говорит сидя» (но *сидя*), *лæуггæйæ ахсы* – «стреляет стоя» (но *стоя*), *хуысгæйæ хæрын* – «есть лёжа» (но *лежа*).

Несмотря на очень важное место деепричастия на *-гæ* в современном осетинском языке, оно до сих пор не имеет исчерпывающего освещения. Одной из причин, видимо, является сложность его функционального значения. Ф. Тордарсон выделил около двух десятков его функций. Из них наиболее существенными являются: а) роль «обычного» деепричастия (*кусы заргæ* – «работает напевая»); б) функция наречного словообразовательного элемента (*кафгæ-кафын* – «танцует», «во время танца»); в) функция глагольного словообразовательного компонента (*цæугæ кæны* – «идет», «ходит»).

Образования этого третьего типа эквивалентны простым (однословным) глаголам, и трудность толкования их семантики, пожалуй, объясняется этим: единицы *кусы* и *кусгæ кæны* на другой язык переводятся одинаково: «работает». И в то же время в осетинском они не могут заменить друг друга, не перестроив всего предложения:

*Тедо не 'рбацæудзæн горæтæй, сом кусгæ кæны.*

У глаголов типа *кусгæ кæны* в русском нет точного эквивалента, и перевести его можно обычным русским речевым средством:

*Тедо из города не приедет, он завтра работает.*

В переводе чувствуется некая близость к оригиналу, главным образом благодаря словам *он завтра*, подчеркивающим обстоятельства, в которых находится Тедо.

Образования *-гæ+кæнын* можно было бы условно толковать: он производит действие (только такое, не иное). Обычным их значением является противопоставление чему-то. Не обязательно какому-то конкретному действию. Это противопоставление не всегда удается четко сформулировать. Но возможно воспринимать степень такой четкости. Можно отметить следующую градацию:

1. Ясное противопоставление видно в:

*Бадгæ нæ кæны, лæугæ кæны.*

*Не сидит, (а) стоит.*

Тут налицо два действия в противоположных отношениях.

2. Противопоставление выражено менее отчетливо:

*Ма йæ уром, цæугæ кæны  
Не удерживай его, (он) уходит.*

### 3. Еще меньше противопоставление в:

*Тедо хуысгæ кæны.  
Тедо лежит.*

Он ничего другого не делает, он лежит. В этом случае (как и в предыдущих) нельзя заменить сказуемое обычным однословным глаголом.

Об этих единицах (*-гæ + кæны*) В. И. Абаев пишет следующее: «По своему значению эти составные образования не отличаются от простых глаголов: *цæугæ кæнын* означает «идти», как и простое *цæуын*. Насколько можно судить, составным формам типа *цæугæ кæнын* отдается предпочтение перед простыми в том случае, когда желательно подчеркнуть данное действие, сделать на нем логическое ударение».<sup>7</sup>

Действительно, эти два варианта похожи по значению, но только имея в виду их перевод на русский язык: на русский язык мы передаем их одинаково, но в осетинском они не могут заменять друг друга. И это говорит об их различии.

Формы на *-гæ-йæ* по своему образованию представляют собой деепричастия с суффиксом *-гæ +* ablativ *-йæ*. Формант *-йæ* хотя и является падежной флексией именных частей речи, но образования с этой морфемой нисколько не примыкают к именам. И тут же надо отметить, что падежная (аблат.) флексия *-йæ* (*-ай*) отличается исключительной словообразовательной продуктивностью: с ее помощью произведено большое количество отыменных наречий типа *хъæрæй* «громко» (*хъæр* «крик»), *сусæгæй* «тайно» (*сусæг* «тайный»), *æртæйæ* «втроем» (*æртæ* «три»). Формант *-йæ* с этой словообразовательной функцией перешел в процесс производства «отглагольных наречий» на *-гæ-йæ*. Здесь морфему *-йæ* следует признать уже деривационным суффиксом, хотя и бывшей флексией отложительного падежа.

В труде Ф. Тордарсона деепричастия на *-гæ* как таковые более определены, чем образования на *-гæ-йæ*. Последние ближе стоят к категории наречий. Об этом свидетельствуют и переводы осетинских предложений типа

*Кафгæйæ Ӕхсарбæг фæстæмæ ракаст.  
Ӕ. Looked back while dancing.*

Здесь присутствует оттенок значения времени, которое автор отметил словом *while*.

Четкое различие между формами на *-гæ* и *-гæ-йæ* видно, например, в предложении, которое Тордарсон анализирует:

*Цъиу, ам дæлæмæ чызг æмæ лæппу лидзгæ на федтай?*  
*Bird, did not you see a girl and a boy running here downward?*

Ф. Тордарсон хорошо чувствует тонкости анализируемого языка, свободно снабжает оба существительных неопределенными (чызг æмæ лæппу) артиклями. В противном случае было бы чызг æмæ лæппуы. Но больший интерес вызывает слово *лидзгæ*: при *лидзгæйæ* предложение имело бы иной оттенок, возник бы курьезный вопрос о том, к кому отнести его, к птице или девушке и юноше.

Любопытно, что в русском переводе все члены этого предложения занимают более четкие позиции:

*Птица, не видела ли (ты) здесь девушку и юношу, бегущих вниз?*

Глагольное слово (причастие) расставило все элементы по своим местам. А вот пример на суффикс *-гæ-йæ*:

*Нарты зæронд лæгтæн ныхасы бадгæйæ сæ зæрðæ ныссæххæт лас- ма.*

*The heart of the old men of the Narts, who were sitting in the assembly place, flared up.*

Здесь также чувствуется оттенок времени в слове *бадгæйæ*: «когда они сидели». Слово *sitting* автором при дословном переводе предложения снабжено пометкой (der. abl.), что еще раз подчеркивает точку зрения Тордарсона на соотношение деепричастия и герундия. Вообще, видимо, особо следует оговорить позицию Ф. Тордарсона в вопросе толкования природы герундия. Английский герундий образуется посредством суффикса *-ing*, а этот суффикс, прежде всего, образует такую отглагольную форму, которая обозначает дополнительное действие, сопровождающее основное действие, выраженное сказуемым – личной формой глагола. Это дополнительное действие в русском или осетинском, например, в отличие от английского, имеет свой термин *деепричастие, фærссагми*. Так как герундий как грамматический феномен функционирует параллельно с обозначением дополнительного действия, не имеющего такого четко специального термина, как деепричастие или фærссагми, термин *герундий* применительно к осетинскому языку используется для объяснения всех значений форм с суффиксом *-гæ, -гæ-йæ*.

В этом отношении показательно, например, слово *зæгъгæ*, которое мало используется в качестве деепричастия, но очень употребительно как

модальный элемент, вводное слово. Ф. Тордарсон правильно называет его «цитатной частицей (citation particle)», но квалифицирует его как герундий в предложении из нартовских сказаний:

Уырызмаеджы зәрдæ фæфиðар ис, уæдæ та бынтон сæфт нæ дæн, кæд мын ацыран дæр амцеккæ амæ мæ уындмæ чи бæллы, ахæмтæ разындис, уæд, зæгъгæ, амæ сын радзырдта, куыд агъдауæй æрафтыдис Донбеттырты бæстæм, уый.

Или: *Раджы заманы цард Ахсахътемыр, зæгъгæ, иу фыдлаег.*

Ф. Тордарсон в своем переводе здесь добавляет слово called, которое в оригинале перекликается с собственным именем:

*Once upon a time there lived a monstra called A.*

Вообще формы на -гæ, -гæ-йæ, как было сказано, во всех случаях увязываются с термином герундий, даже когда они выступают в качестве части композита, но не только в качестве отглагольного наречия. В работе эти случаи иллюстрируются примерами хæдтулгæ «самокат», «самоход», амайгæ-амайын «воздвигая», «складывая», æнаехонгæйæ «без приглашения».

Ф. Тордарсон, ссылаясь на В.И. Абаева<sup>8</sup>, приводит предложение, в котором причастно-деепричастная форма также называется герундием:

*Муртаз æнаехонгæ ныггуырсти.  
Murtaz burst in without being invited.*

В работе герундий выступает также в качестве причастия: цæугæ дон «река», дуцгæ хъуг «дойная корова» и т.д.

Не имеет принципиального значения терминологическое использование слова *герундий*. Важным является тот непреложный факт, что Ф. Тордарсон выявил и осветил почти все факты и возможности использования такого активного явления, каким представлены слова с суффиксами -гæ, -гæ-йæ в современном осетинском языке.

Следует отметить и то, что Ф. Тордарсон в своей работе проводит параллели с другими языками Кавказа, большей частью с тюркскими языками, подчеркивая значение взаимных контактов между соответствующими народами.

Фридрик Тордарсон много делал для осетиноведения. Он любил осетинский народ, любил его язык и занимался им вдумчиво, без устали,

заинтересованно. Осетинский народ в долгую перед его памятью и всегда будет с благодарностью помнить о нем, с теплым, дружеским чувством воздавать ему за его многолетние бескорыстные труды ради Осетии.

N. GABARAEV

## FRIDRIK THORDARSON AS OSSETIAN LANGUAGE RESEARCHER

### SUMMARY

Fridrik Thordarson studied all the main sections of Ossetian language. "Short marks on the language of Anatolian Ossetians" and "Ossetica" are the most significant of them both on volume, and on value. Except these two fundamental works, he has written the big amount of the work on special questions of Ossetian study. One of them is "The Ossetic Gerund". This is a first case, when the gerund in Ossetian language becomes the subject of special study.

Fridrik Thordarson in his work also conducts the parallels with the other languages, most turkic, emphasizing the mutual contacts between various peoples.

Fridrik Thordarson loved Ossetian people, loved its language and studied them with great interest. Ossetian people is in Thordarson's debt and will always remember him with warm, friendly feeling because of his great works for the sake of Ossetia.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> THORDARSON Fridrik. The Ossetic Gerund // NARTAMONGÆ. Vol. III., №1-2., Dzæudžyqæw | Vladikavkaz–Paris 2005. C. 49.

<sup>2</sup> Словарь иностранных слов. Под ред. И. В. Лёхина и проф. Ф. Н. Петрова. Москва, 1954.

<sup>3</sup> В латинском, как известно, имеется еще и герундив (gerundivum), представляющий собой особое глагольное прилагательное. В русском соответствует причастию настоящего времени страдательного залога. Образуется при помощи тех же суффиксов, что и герундий -nd-, -end-: libro legendo (gerundive) delector «Я увлекаюсь читаемой книгой» и legendo (gerundium) librum delector «Я увлекаюсь чтением книги».

<sup>4</sup> ПОКРОВСКАЯ З. А., КАЦМАН Н. Л., Lingua Latina. М., 1969. С. 186.

<sup>5</sup> SHEVALDISHEV A .N., SUVOROV S., KORNDORF B. R. F., English. M., 1951. С. 346.

<sup>6</sup> THORDARSON Fridrik. The Ossetic Gerund.

<sup>7</sup> АБАЕВ В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе. 1959. С. 98.

<sup>8</sup> АБАЕВ В.И. Указ. соч., С. 64.